

**Дорога до звёзд. Новое утро жизни**



**Дарья Кононова**

# Дарья Викторовна Кононова

## Дорога до звёзд.

### Новое утро жизни

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=57458251](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57458251)

SelfPub; 2024

#### Аннотация

Перед вами первая книга трилогии "Дорога до звёзд" . Главная героиня графиня Милидия де' Шеврез в 20 лет становится наследницей богатого состояния. Однако деньги не приносят девушке счастья, из-за них она подвергается преследованиям человека, который хочет жениться на ней из-за её богатства. Совсем неожиданно её судьба полностью меняется, перед ней открывается прекрасный и таинственный мир, полный волшебства. Теперь ей предстоит преодолеть немало опасностей, встретить новых друзей и, конечно, найти настоящую любовь.

# Содержание

Дорога до звёзд. Новое утро жизни.	4
Глава 1. Тёмный переулочек и всё, что произошло дальше.	4
Глава 2. Завтрак и четыре жены барона.	15
Глава 3. О том, что должно быть в каждой жизни.	23
Глава 4. Печаль воспоминаний.	29
Глава 5. Начало обучения.	46
Глава 6. Приглашение.	54
Глава 7. Качели.	58
Глава 8. Рубиновый Замок и его обитатели.	63
Глава 9 . Бал-маскарад.	72
Глава 10. Я согласен отдать Вам руку и сердце...	76
Глава 11. Мантилья из сумрачных кружев.	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

# **Дарья Кононова**

## **Дорога до звёзд.**

### **Новое утро жизни**

**Дорога до звёзд.**  
**Новое утро жизни.**  
**Часть первая. Нашла**  
**коса на камень.**

## **Глава 1. Тёмный переулок и всё, что произошло дальше.**

Окраина маленького захолустного городка... Страшный и тёмный переулок... Неярко, почти блекло, точно свеча перед рассветом в кабинете заснувшего писателя, всю ночь работающего над новым произведением, светит один единственный уличный фонарь. Звёзд на небе нет... Весь жемчуг ночного моря покрыли собой волны-тучи. Мороз так крепок, что воздух сделался хрустальным, из-за чего дышать больно. Когда вдыхаешь, кажется, что перед твоим носом разбива-

ется морозная роза, а потом по всему телу, западая в самое сердце, рассыпаются маленькие льдинки-хрусталики осколков. Роза, мороз, осколки, сердце... Невольно, как-то само собой, вспоминается всем известная сказка Ганса – Христиана Андерсена, «Снежная Королева». Но вот только один вопрос, кто же ты сам в эту холодную ночь?... Капризная, избалованная принцесса, или непокорная маленькая разбойница, а, может, чопорная цветочница, или же сама Снежная Королева, с её прекрасными голубыми глазами и куском льда вместо сердца?... Но может именно ваше сердце, так же горячо, как сердце смелой крошки Герды, а душа так же мечтательна, как душа мальчика Кая?... Снег искрился, будто все исчезнувшие с небес звёзды превратились в снежинки и упали на землю. Тусклый серо-зелёный свет диска луны, искрясь, летел к земле, но на полпути растворялся в воздухе. Может и он замерзал, превращаясь, во множество снежинок?

В домах не горело ни одного огня, ни одного светильника. Люди боялись выйти в такую ночь на улицу, опасаясь воров и грабителей. Действительно, темень, снег, что недобрые люди ещё могли бы пожелать?!

Но что это?! За углом одного из домов был человек совсем иного рода. Закутавшись в плащ, бывший некогда белого или светло серого цвета, в подворотне лежала девушка, почти ребёнок едва ли на вид ей было более двадцати. На ней было светло-серое платье, не очень богатое, с тонкой скромной, но красивой вышивкой. Такого же цвета шляп-

ка капор, расшитая белыми и серебристо-голубыми лентами. На руках у неё были тонкие белые перчатки, при этом одна из рук чуть сжимала ручку саквояжа. Из-под шляпки выбились темные длинные каштановые волосы, которые тут же, как и томные ресницы, покрывающие глаза, осеребрились белым пушистым снегом. Цвет её лица было сложно угадать, потому что кожа приобрела настолько бледный оттенок, что едва ли цветом отличны от снега. Черты её лица были тонко выточены, аристократичны, но в то же время выражали прямооту, честность, добросердечность и почти детскую наивность. Вся её фигурка, казалось, была выделена искусным мастером из белоснежного алебастра, и была чуждой и этому переулку, и этому городку, и вообще всей этой ночи. Она лежала завядающим, сорванным цветком на песке.

Свет луны отразил на доме чью-то черную закутанную в чёрный плащ тень. Очертания на стене дома могли рассказать о незнакомце только то, что он в плаще и шляпе. Свет луны случаем упал на милое лицо девушки, благодаря чему человек в плаще заметил её: откуда не возьмись, в его руках появился фонарь, который он поднёс к её лицу и осветил его. Несколько секунд он рассматривал бледненькое личико, на котором не только тёмные ресницы и брови, но так же и некогда розовые пухлые губки были запорошены снегом. Он поставил фонарь на землю, взял ручку в белой перчатке и нащупал пульс:

– Бедняжка, она едва-едва жива, а ведь совсем ребёнок.

Сколько ей, тринадцать, пятнадцать, едва ли больше? И нашлась ведь эта потеряшка, совсем рядом с кладбищем... – тихо проговорил он, надо добавить, голос у него был приятный, бархатистый, хотя и проскальзывали в нём и звонкие юношеские нотки – Энрико – громче позвал он, беря на руки девушку – пора домой.

\*\*\*

Милидия открыла глаза, которые тут же уткнулись в покрашенный белой краской потолок. Где-то тихо звучала красивая незнакомая музыка, кажется, это было фортепиано. Комната, где она оказалась, была не большой, но хорошенькой. Кровать, на которой лежала девушка, стояла у самого окна и лучи солнца, вышедшего из-за заснеженного леса, нежно озаряли каштановые волосы и личико девушке, приобретшее бело-розовый здоровый оттенок. В углу беленький платяной шкафчик, письменный стол, у стены туалетный столик, возле которого пуфик, обитый сиреневым шёлком, на котором лежал её саквояж. К кровати приставлено кресло, такого же цвета, как и пуфик, на котором её ждало скромное, но красивое платье из сиренево-голубого атласа с белыми переливами. Она убрала кровать, переделалась, в саквояже нашла свою расчёску и гребень для волос, свое же собственное платье и плащ она нашла в шкафу.

Милидия, осмотрев себя в зеркало и найдя свой вид вполне приличным, дотронулась ручки двери. Та поддалась. Она прошла по длинному коридору, не заглядывая ни в одну из

многочисленных дверей встреченных ею по пути.

Странно... Как она оказалась в этом незнакомом доме. Последнее, что помнила девушка, это то, как она бежала по улице поздним вечером, потом упала у подножья какого-то дома, постучала в него, но ей не открыли, и в соседних домах прогнали. Обессилив, она упала на снег и больше не смогла подняться. Тогда она решила, что это конец... После, кажется, сквозь какую-то пелену она слышала голоса... да, оба молодые, женский и мужской. Наверное, это хозяева этого дома, спасшие её.

Она спустилась по лестнице. Музыка стала слышна отчётливее. Дверь в одну комнату была приоткрыта. Милидия вошла. Комната была оформлена в бежево-золотых тонах и, по-видимому, служила гостиной. Посредине стояло красивое резное фортепиано из дорогой породы дерева. За ним сидел молодой человек. Хотя лица его не было видно, но прямая осанка и светло-золотистые до плеча волосы предполагали, что их обладатель юн. На нём была белая не глаженная рубашка, бежевые облегающие брюки и черные нечищенные сапоги, ещё сильнее подчёркивающие его небрежность.

Милидия зажмурила глаза. Она представила руки того, кто играл. Музыка была прекрасна, и она влюбилась... Влюбилась в эту музыку и в мастерство исполнителя. Она уловила, как трепетно он относился к инструменту, она представляла, как скользят по клавишам его пальцы, и мир впервые за столько дней для неё оживал с этой музыкой. Какое еди-

нение она испытала в этот миг и с этой мелодией, и с прекрасным инструментом, и с исполнителем. Она не знала и не видела его никогда до этой минуты, не слышала этой музыки, но казалось это таким знакомым и родным. На мгновение, но в её душе настал покой, она растворилась в этой музыке, она вселила в неё всю радость и всю печаль в мире.

– Эту музыку написал Шопен, – не отрываясь от фортепиано, произнёс он, тот человек, – называется: «Мечта».

–Кто, простите? – Милидия ничего не поняла и испытала досаду из-за того, что её вывели из этого столь приятного экстаза.

– Всё верно, – её собеседник закатил глаза к потолку, но продолжал играть. – Фредерик Шопен – всемирно известный композитор, правда, вам простительно его не знать, потому что он только будет жить.

Спокойный голос незнакомца явно не сочетался со всей той ерундой, что он наговорил, и хотя девушка ещё не видела его лица, что-то подсказывало ей, что он не сумасшедший, а может он просто разыгрывает её.

– Откуда я всё это знаю не ваша забота, милейшая графинечка.

– Откуда вы... Это неправда!!!

– Конечно неправда, ложь, гнусная клевета, не так ли Оливия Хейман, вы ведь всего-навсего простая бедная гувернантка, – в его голосе проскользнуло ехидство, – и как мне могло прийти в голову, что вы графиня Милидия де\*Ше-

врез.

От его слов она остолбенела. Она впервые видит его, а он столько знает о ней. Где-то через полминуты голос молодого незнакомца настиг её:

– Ну что, госпожа графинечка, будем и дальше отпираться или всё же признаем своё поражение.

И тут страшная, но правдивая догадка:

– Вы шпион барона! – С призрением выговорила девушка.

– Как бы вам этого не хотелось, нет.

– Я вам не верю!

– Ваше дело, но напомним, я спас вам жизнь.

– Кто вы?

– А вам не всё равно?

– Не имею привычки разговаривать с незнакомым человеком.

– Тогда молчите.

Графиня обиженно поджала губы и решила, что ей лучше уйти. Тут же молодой человек полностью безучастный к ней до этого оборвал свою игру и обернулся. Несмотря на некоторую иронию, лицо у него было прямое и открытое, брови и ресницы очень светлые, почти белые, на щеках играли озорные ямочки, и всё это венчали ну прямо-таки ангельские васильково-синие глаза.

– Стоять, ни с места – Милидия уже коснулась ручки двери, когда его голос настиг её и заставил обернуться.

Незнакомец впервые посмотрел на её карие томные глаза,

и на миг удивился сам. Эти глаза, такая недетская глубина и осмысленность, точно весь подлунный мир был заключён в них.

– Ну, и что мы теперь будем делать? – После некоторого молчания, с вернувшийся к нему насмешливостью, спросил он.

В ответ молчание.

– Молчите, но хорошо, я представляюсь, моё имя Фредерик, но теперь вы престанете меня игнорировать?

– Мне не о чем не говорит ваше имя.

– А оно должно вам о чём то говорить?

– Кто вы?

Он усадил её на стул, заговорщически подмигнул и таинственно произнёс:

– Я самый обыкновенный волшебник, Милидия.

Девушка откинулась на спинку стула и выпучила и без того огромные карие глаза. Это она сошла с ума или этот юноша не в себе?!

Фредерик явно наслаждался произведённым эффектом.

– Не верите? – продолжал он – странно, а я думал, все маленькие девочки верят в «сказки». Но, хотите, я вам сейчас это докажу – он беглым взглядом обвёл комнату и глаза его остановились на ней.

Вдруг гребень выпал из волос и они каштановыми волнами разлились по плечам, но ненадолго. Её пряди стали сами собой завиваться и заплетаться в косы, переплетаясь меж-

ду собой. Её скромное, но красивое платье вдруг превратилось в огромное ядовито жёлтое облако в крупный ярко розовый горошек, с множеством оборков, бантиков и кружева всевозможных цветов. В довершение всего к ней подлетели две кисточки, одна с красной, другая с рыжей краской. Первая размалевала её щёки и наредила губы, а вторая наредила веснушек и наредила на кончике носа маленькое сердечко. Волосы к этому времени уже уложились в сложную, высокую и глупую причёску.

Млидия взглянула в появившееся перед ней зеркало и ахнула, Фредерик же давился от смеха. «Это тебе за вчерашний снежок, маленькая плутишка!» – Он с неудовольствием вспомнил, что накануне пред тем как он обернулся и посмотрел в её сторону, кто-то кинул в него комком снега. На улице не было ни одной живой души, кроме этой девушки, да и снежок прилетел с её стороны. Фредерик почти не сомневался, что так она пыталась привлечь внимание к своему бедственному положению.

– Верните всё! – Потребовала она.

– И не подумаю, хотя, если вежливо попросите.

Милидия отвернулась и потянула ручку двери. Не будет она его не о чём просить!

– И далеко ты собралась.

Не собирается она разговаривать с этим фокусником. Но дверь оказалась заперта.

– Вы даже уйти мне не позволяете. Вы, вы злой... вы про-

сто издеваетесь надо мной.

– Успокойтесь, успокойтесь, милая графинечка – произнёс юноша, заметив уже навернувшиеся слёзы на её глазах, а ему очень бы не хотелось, что бы эти карие вишни вдруг покраснели. Краска исчезла с лица девушки, волосы снова легли под гребень, а ужасное, до смешного платье сменилось скромным сиреневым – Вот видите, теперь всё в порядке.

– Ну и зачем вы всё это делали?

– Мне было просто приятно позлить вас.

– Теперь позвольте мне уйти. И – она задумалась – Спасибо вам за всё – решив, что с неё благодарностей хватит, она вновь отвернулась.

– Конечно же, вы не можете уйти. вы, наверное, ужасно голодны, пойдёмте, я приглашаю вас на завтрак, а потом придумаем, что вам делать дальше.

– Благодарю, Я не голодна – это была ложь, во рту у неё давно не было и маковой росинки.

– И вам не стыдно так врать.

– Мне ничего не надо от вас.

– Если не перестанете оказываться, я буду вынужден снова применить к вам колдовство. И, в конце концов, что мешает вам, симпатичной девчужке, позавтракать со мной, умным, талантливым волшебником, и просто очаровательным красавцем, тем более, когда я сам приглашаю. Соглашайся, крошка Лиди, такой шанс выпадает не всегда.

– Хорошо, но с одним условием, вы перестанете называть

меня, как ребёнка.

– То есть как?

– Крошкой, Мили, Лиди, графинечкой. Меня зовут Милидия графиня де\*Шеврез.

– Милидия де\*Шеврез, – он недовольно фыркнул, жеманно изобразив кокетливую девушку. – Хватит с вас просто графинечки.

– Я не графиня.

– Ну да, конечно, сами себе противоречите. Ладно, пойдёмте.

Он подал ей руку. Милидии пришлось опереться.

## Глава 2. Завтрак и четыре жены барона.

Вопреки ожиданиям Милидии Фредерикне не повёл её в столовую. Они поднялись по лестнице на второй этаж дома, и он вывел её на балкон. На открытом воздухе было очень морозно. Хрустальная, первозданная свежесть чувствовалась в белоснежном сверкающем снегу и в стенах леса тёмной зеленью, окружающей одинокий дом. Графиня обняла ладонями плечи, она прозябла. Куда же она попала? В округе только изумрудная изгородь из деревьев. Она во власти более чем странного молодого человека. И что он сейчас задумал? Вдруг он обидит её? Нет, надо бежать. Но куда, вокруг лес, которого она совсем не знает.

Из ниоткуда на балконе появился столик и два стула. Снег сам собою растаял, солнце стало греть теплее, декабрьский лес преобразился и стал ранее июньским. Где-то далеко запели птицы, распустились цветы. На балконе тоже было много разных цветов, и посреди столика стояла огромная ваза. Волшебник подвинул девушке стул:

– Что предпочитаете музыку или литературу, госпожа графинечка?

– Пожалуй, музыку.

– Как Вам понравится тихая флейта утром?

– Ничего не имею против.

Над ними появилась флейта и сама заиграла.

Милидия сдержанно улыбнулась. Но чудеса на этом не кончились. Сначала к столу подлетели два прибора, за ними пузатый вельможа кофейник, за ним важно следовала его жёнушка, госпожа сахарница. Потом две кокетливые старшие дочери-близняшки – кофейные чашки, обе в пышных модных фарфоровых юбках, с одинаковыми кавалерами-блюдцами. Дальше неспешно шествовала их старая тётушка-соусница, на сей раз наполненная сливочным кремом, приятно пахнувшим бурбонской ванилью. Потом огромное блюдо полное маленьких булочек-деток, щедро насыщенных корицей. Заверещала процессию их чопорная гувернантка – вазочка, полная каких-то брусков в серебряной и золотой фольге.

– Вы любите кофе с молоком, сливками или просто горький?

– Горький.

К ней подлетел кофейник из носика, которого в фарфоровую чашку девушки стал выливаться дымящийся напиток. К ней в тарелку с блюда перекочевала пара булочек, подлетела соусница щедро полив их кремом. Ложки, вилки, ножи и салфетки залетали с бешеной скоростью. Фредерику это кажется, нравилось, а графиню начало раздражать. По её мнению всё должно было неторопливо и степенно двигаться, да и вообще обстановка настойчиво требовала, что бы к её безукоризненному вкусу, здесь она не могла придраться, была

приложена женская рука, нежная и заботливая.

Столовые приборы всё-таки успокоились. Несколько минут Милидия была занята исключительно кофе и булочками. Волшебник не отвлекал её, но по озорным огонькам в его синеющих глазах, было заметно, что на языке у него вертится очередное ехидное замечание.

– Милидия, будь любезна, закрой глаза – неожиданно попросил юноша.

Подчёркнутая вежливость, обращение по полному имени, веселая улыбка, сопровождающая всё это, подсказали графине, что в словах его кроется подвох. Но стоило взглянуть в его сине-васильковые глаза, в них можно утонуть. Он красив, очень красив. Девушке хотелось остановить этот миг и смотреть только на него. Заново повторенная просьба оглушила её.

– Хорошо, – кротко повиновалась она.

Юный волшебник взял из вазочки один брусок, снял с него обёртку, вложил в рот девушки и осторожным движением руки прикрыл его.

– Вам нравится? – Спросил он.

– Это великолепно, что это?

– Швейцарский шоколад, в будущем это будет довольно-таки известным лакомством.

– Но как вы можете знать, то, что будет?

– Вы забываете, я – волшебник.

– Но этого же не может быть, вы меня разыгрываете?

– Не может, но бывает, да, да силой мысли я могу путешествовать во времени, исполняя желание своей воли, я могу почти всё.

– Невероятно.

– Но факт.

– Всё вы можете, всё? – девушка смешно выпучила свои удивлённые карие глаза.

– Почти всё, есть некоторые ограничения. Вроде, не влиять на принятие людских решений, не вмешиваться в судьбы, – он смерил её оценивающим взглядом, – ну разве совсем немного. Знание будущего, своего будущего, бессмертие, принятие чужого облика, так же под запретом. И ещё, занудное правило ни читать чужих мыслей.

– Но вы?

– Минимальное волшебство. Ну и в конце, концов правила для того и существуют, что бы нарушать их.

– Вас никто не контролирует?

– Напротив, есть Совет Волшебников, который следит за каждым шагом всех своих членов. Жутко скучно, уж поверьте мне у этих господ ни фантазии, ни чувства юмора. По-своему ничего и не сделать.

К Милиди стало возвращаться хорошее настроение, что-то, а уж его чувство юмора она уже оценила. Но всё-таки она была обязана ему жизнью.

– Ну и что мы будем делать? – Его обыкновенная ирония сменилась серьёзностью.

– Я не знаю, я уеду, спасибо вам за всё.

– Стоять, вы должны всё рассказать мне и честно, заметьте, даже не прибегая к волшебству, я пойму, если вы захотите солгать.

Девушка медлила с ответом.

– Напомню, вы кое-чем мне обязаны. Так мелочь, всего лишь прошлой ночью я спас вас.

– Хорошо, я расскажу вам всё.

\*\*\*

После смерти дяди, Тересса-Милидия-Дариана-Виктория-Доротея графиня де\*Шеврез стала наследницей богатого состояния. Опекунский совет тут же ухватился за внезапно разбогатевшую девицу. Господин Кокше, назначенный ей определил её дальнейшую судьбу. Она должна была стать женой барона Джорджа де \*Кверлик.

Джордж де\*Кверлик, ещё не старый человек тридцать пять лет, игрок, промотавший почти всё своё состояние, ожидал свадьбой поправить своё денежное положение, как и в предыдущие разы.

Первой его женой была небогатая, незнатная девушка, пожалуй, только её он и любил. Но бедная Джули, не прошло и месяца после их свадьбы, как она оступилась на лестнице и разбилась насмерть.

Юный барон был безутешен, пытался искать забвения в науках, книгах, но они не приняли его. Очертя голову он от-

правился путешествовать, но скоро ему наскучило, он вернулся. Тогда он начал играть. Карты не отrekliсь от него, нет, они сыграли с ним злую шутку. Чём выше была ставка, тем более вовлекался он. Постоянная игра судьбы, риска, рока... Но Фортуна переменчива в три года он проигрался. Он спустил всё своё состояние, а также, наследство, оставленное его младшему, сводному брату Эдварду. В пятнадцать лет Эдвард ушёл в морскую академию и стал сначала гардемаринном, а затем военно-морским офицером.

Барон был ещё красив и молод... Богатая, знатная, красивая, молодая герцогиня Джейн была очарована им. Состоялась их свадьба. Но менее чем через год их денежные дела снова ухудшились из-за постоянных проигрышей барона. Именно в это время погибла Джейн, она захлебнулась чаем, поданным ей.

Третья его жена была из богатой семьи торговцев, одержимая мечтой получить дворянский титул. После очередного крупного проигрыша барона, девушка вдруг заболела какой-то неизвестной болезнью. Потом была старая вдова мечтающая, о замужестве, но когда и её деньги кончились, в одно утро она просто не проснулась.

Теперь и Милидия должна была попасть, в лапы к этому барону Синея Бороде. Против её воли её привезли в замок барона и готовы были насильно повести к венцу. Однако к счастью и здесь у доброй и кроткой девушки нашёлся друг, сводный брат барона, Эдвард\*де Кверлик пожалел её и по-

мог ей бежать.

Она долго скрывалась под чужим именем, работала гувернанткой в богатом доме, девушка получила хорошее образование, и потому без труда справилась с такой судьбой.

Но её опять выследили. В один прекрасный вечер её подопечная Адель, прибежав к ней, рассказала, что о ней спрашивают какие-то господа. По описанию графиня поняла, что это Кокше и барон де\*Кверлик. Едва успев схватить свой саквояж, и проститься с воспитанницей, девушка снова бежала.

А дальше, то, что произошло дальше вам уже известно.

\*\*\*

– Успокойтесь, я прошу вас, – проговорил Фредерик, неприятные воспоминания подорвали голос девушки, и весь вид её выражал готовность разрыдаться. – Вы должны отдохнуть, а потом я чем-нибудь помогу вам, пойдёмте.

Молодой человек проводил её в свою библиотеку, усадил в кресло и принёс несколько книг.

– Вы можете брать любые книги здесь, любые, какие вам понравятся. – Фредерик улыбнулся Милидии. – Мне нужно ненадолго уйти по делам. Прошу вас, не скучайте здесь одна и отдохните. На столике для вас я оставляю чай, конфеты и вазочку с печеньем.

Девушка уже перестала плакать, но в ответ лишь молча кивнула.

– В кресле плед, и если станет холодно, можешь подкинуть

дров в камин, ты сильно дрожишь. – Выговорил Фредерик, он чувствовал какое-то внутреннее смятение. Быть может, его растрогал рассказ Милидии, или же выразительные, глубокие глаза. «Только бы она хоть немного поела, а то совсем нездорово выглядит, да и дрожит почти всё время – невольно с досадой подумал он. – Ива ведь ночью осмотрела её, но признаков болезни не нашла».

И Фредерик ушёл.

Милидия проводила его долгим, но пустым взглядом. Об одном она умолчала.

Эдвард просил её руки, когда она бежала.

Нет, не ради денег как его брат, но и не ради её самой, она знала это. Просто он хотел дать ей защиту, он бы уважал и ценил её, но не любил...

Эдвард был её лучшим другом, её единственным другом.

– Нет, – прошептала она ему, когда они расстались, – я не могу так, в этом браке, мы оба будем несчастны, и ты это знаешь. Для меня важна наша дружба и взаимное уважение, и пусть мне будет трудно, но я не променяю их на собственное благополучие. Живи так, чтобы быть свободным, друг мой, и я буду жить так. Хочу всегда в зеркале видеть лишь своё лицо.

## **Глава 3. О том, что должно быть в каждой жизни.**

Невысокая стройная девушка разливала чай по фарфоровым чашкам. Её волосы были редкого огненно-рыжего цвета и пышными локонами ниспадали на плечи, её идеально белая, но не прозрачная кожа делала её похожей на русалку, а венок из виноградных листьев, лёгкое пастельного цвета платье, идеальная фигурка, только дополняли этот сказочный образ. Лицо не имело ни одной веснушки, что редко встречается при рыжих волосах. Глаза же её были светло-серые, какие-то неподдельные, искренне-серьёзные.

Молодой человек, с лицом прямым и честным, читал вслух. Он был брюнет, волосы у него были немного волнистым, а светлые зелёные глаза смотрели крайне пронизательно.

– Артур, милый, чай готов, пойдём – проговорила девушка.

– Юнона – юноша приобнял жену за плечи и хотел поцеловать, но вдруг будто бы передумал, что-то прошептал ей, и оба заулыбались.

И тогда раздался звонкий мальчишеский смех, затем в комнате появился ещё один персонаж. Это был Фредерик.

– Здравствуй, – произнёс Артур, протягивая ему руку – Я уже давно понял, что ты здесь. Но что это, ты давно нигде

не появляешься?

– Да, что это, тебя по несколько недель никто не видит? – спросила девушка, когда её друг наклонился, слегка поцеловав её руку.

– Я был занят.

– Превосходно, Фредерик– Артур раздражённо фыркнул – Ну и что на этот раз? Ты опять ходил в прошлое или ещё хуже в будущее, с кем ты там разговаривал?! Ты же знаешь, Совет не одобрит.

– Фредерик, ты играешь с огнём – заметила Юнона – попадаешь где-то целыми неделями, и, в конце концов, это просто опасно.

– У тебя столько недоброжелателей.

– Всё вздор, волшебство надо использовать не только в житейских нуждах, но и для чего-то другого. Надо что-то вечно искать, творить, создавать. Чтобы творить чудеса, нужны: желания, сильная воля и мысль. Понимаете мысль. Мысль, идея, цель, нечто направленное, яркое, как звезда, горячие, как огонь. Надо уметь мыслить, представлять, фантазировать. Да, это долгая практика, но тогда могут открыться такие тайны.

– Один волшебник такой же горячий, как и ты, однажды получил доступ к этим тайнам, и ты прекрасно знаешь, чем всё это кончилось.

– Он делал всё только для себя, хотел погубить и разрушить, а я хочу сотворить и оживить – юноша всё более во-

одушевлялся, – У меня есть чувство любви к прекрасному живому.

– Однако и ты не лишён честолюбия, твой характер не приведёт тебя к добру.

– Всё так скучно и занудно.

Устав от их бесконечных споров, Юнона ушла принести чай. Муж проводил её задумчивым взглядом.

– Как она, хоть немного успокоилась? – Голос Фредерика переменился, в нём слышалось неподдельное участие.

– Такое, увы, не забудется... – Артур тряхнул головой, точно отгоняя тяжкое воспоминание. – Может ты что-то узнал, о госпоже Гравей, я тоже ищу, разумеется, втайне от Юноны, я не хочу давать ей ложных надежд, но пока всё безуспешно.

Фредерик лишь качнул головой, нет, никакой зацепки у него не было:

– Пока нет, но я не теряю надежды, – Фредерик пытался говорить, как можно более уверенно. – Я уверен, должна же быть какая-то зацепка, не могла же она просто так раствориться в воздухе.

Артур посмотрел на него глазами человека, потерявшего всякую надежду:

– Госпожа Гравей заменила мне родную мать, я верю, она хотела, чтобы я женился на её дочери. Так почему же, когда мы вернулись из свадебного путешествия, мы не нашли её в нашем доме, и не только её, не осталось ничего не из её

вещей, ни даже её портрета!

– Артур, она была матерью не только тебе и Юноне, но и мне с Ивой... – договорить Фредерик не успел, в комнату вошла жена Артура с подносом, на котором стоял аккуратный чайник и три чашки. От молодой женщины не ускользнуло, как резко сменили свои выражения лиц мужчины, но взяв себя в руки, она сделала вид, что не заметила этого. Она знала, о чем говорили они.

Фредерик принял чашку поданную девушкой, его рука при этом нервно скребла подлокотник кресла. Это не укрылось от взглядов молодых супругов, их друг был сегодня необыкновенно рассеян. У Юноны вскоре сорвался всеящий в воздухе вопрос:

– У тебя что-то случилось? Ты чем-то обеспокоен?

– Нет, что ты ровно ничего не произошло в последние дни.

– Враньё! – Артур улыбнулся Юноне. – Что-то непременно случилось, ты встревожен, да, да ты плохо умеешь скрывать, твою душу переполняют какие-то чувства.

– Да успокойтесь, вы, со мной всё хорошо.

– Ну, ну.

На некоторое время у Фредерика прекратили выпытывать его тайны, но вскоре, как бы невзначай он сам перевал неприлично затянувшееся молчанье.

– Я вот, впрочем, зачем пришёл, Юнона, тебе не нужна горничная или какая-нибудь иная служанка.

– Нет, ты же знаешь, мы всегда сами справляемся с до-

мом. Вот твоя тётушка...— оба молодых человека заулыбались. Милюзетта — тётушка Фредерика, несмотря на то, что была фэй, содержала около сотни человек прислуги и вообще любила всякую роскошь. — Она бы взяла девушку. А, Впрочем, о ком ты говоришь?

— Ничего особенного, вчера, в переулке, какого-то захолустного городка, я нашёл молодую девушку. Она, бедняжка, едва не замёрзла и была уже при смерти.

— Это ужасно!

— Но я спас её и теперь её ничего не угрожает.

— Но кто же она, кто?

— Вот тут начинается самое интересное, она высокородная графиня, наследница богатого состояния. Но, увы, её опекун хотел выдать её за кого-то подозрительного типа, разумеется, против её воли. Девушке удалось бежать. Однако несчастья преследовали её. Вот и вся её история.

— И какой же она показалась тебе?

— Горда, в этом она настоящая и прирождённая дворянка, однако по природе напротив скорее скромна, добра, кротка, порядочна. Кажется, умна и образованна.

Он был смущён вопросами девушки, которые любопытным градом сыпались на него, но так не к чему и не приводили. Юнона и Артур теперь вряд ли устроят судьбу Милидии.

Но Фредерик ошибся. Юнона, приглянувшись с мужем произнесла:

— Пожалуй, я бы хотела иметь компаньонку, и девушка о

которой ты говоришь, вполне подойдёт. Я обучу её чародейству.

– Тогда договорились. Сегодня вечером я приведу её Вам.  
Он исчез.

– Он влюбился – серьёзно произнесла девушка.

– Бесспорно – Артур поцеловал жену – Однако, что в этом плохого, в каждой жизни должна быть милая девочка – и он поднял её на руки.

## Глава 4. Печаль воспоминаний.

Милидия с благодарностью приняла предложение Фредерика и уже к вечеру оказалась в новом доме. Молодой волшебник сопровождал её, спешно простился со всеми и пообещал заглянуть на следующей неделе.

Юнона объяснила Милидии, ей обязанности, однако добавила основное время она посвятит обучению волшебству.

– Ну а теперь иди, отдохни, милый друг, да я хочу стать для тебя не госпожой, а учителем и другом.

– Вы очень добры и великодушны, сударыня.

– Юнона, просто Юнона. Доброй ночи.

– До свидания, – Милидия склонилась в глубоком безупречном реверансе, точно фрейлина некой королевы.

Юнона лишь улыбнулась ей, искренне надеясь, что улыбка снимет напряжение с её ученицы. Графиня попыталась улыбнуться в ответ, но сделала это неуверенно и глаза её при этом страдали. «Так улыбаются обыкновенно те, кому до смерти больно». – Отметила про себя Юнона Риверс, проводив удаляющуюся в свою спальню девушку долгим взглядом.

« Я буду защищать её и буду добра с ней», – решила молодая женщина. – « Если судить по тем сведениям, что предоставил о ней Фредерик, она так молода и чувствительна, но уже так много страдала. Странно, почему мы с Артуром вначале решили, будто Фредерик в неё влюблён. Зная его, ему

бы понравилась девушка яркая, жаждущая жить, а эта совсем другая. Вряд ли между ними может что-то быть. И всё-таки он хотел позаботиться о ней, едва ли не впервые решил подумать о ком-то, кроме собственной персоны. Да и в ней что-то есть, какая-то необъяснимая глубина, которую она скрывает за своей маской недоверия к людям. Почему же я так хочу, чтобы она стала хоть чуточку счастливее? Наверное, из-за мамы», – ответила молодая женщина сама себе. – «Она всегда помогала всем, просто не могла, не умела быть равнодушной, и меня воспитала такой. Мама, мамочка, что же с тобой случилось, как же мне не хватает тебя!»

В серых глазах Юноны навернулись слёзы.

«А ещё я просто очень хочу с ней подружиться», – призналась Юнона сама себе. «Я всегда мечтала, чтобы у меня была подруга. Фредерик и Артур всегда были друг у друга, а у меня никогда не было подруги девушки. Ива, конечно, была, но с ней так трудно бывает порою».

Вошёл её муж и обнял её за плечи. Без слов Артур понял, о чём думала его жена:

– Как тебе показалась эта девочка? – спросила его Юнона.

– Очень замкнутая, не поймёшь, что у неё на уме, – Артур был сдержан в своей оценке. Милидия не очень понравилась ему, девушка явно боялась его, да и Фредерика тоже, поэтому с ней было трудно общаться. – К тому же выглядит очень болезненной.

– Да, вид у неё крайне нездоровый, я беспокоюсь за неё.

– Думаю, не стоит, она выглядит так, лишь из-за своего хрупкого сложения, – Артур улыбнулся и поцеловал Юнону в щёку. Может быть в конце концов не так уж плохо, что его жены теперь появится ученица и компаньонка, это хоть немного отвлечёт её от тех тяжёлых воспоминаний, что связаны у неё с исчезновением матери.

\*\*\*

Милидия не хотела спать, ей было и грустно, и страшно. Ей казалось, что она стоит на пороге перед дверью, которая откроет ей новый прекрасный мир. Но прошлое, каким бы оно ни было это её прошлое. А всегда грустно расставаться с чем-то своим. Это прошлое создало её для настоящего, и тем чем она стала она обязана только ему. Ну а завтра, что будет завтра. Вдруг, всё это до последнего окажется волшебным сном, которого никогда не было и не будет на деле. Казалось ей, что она стоит в темноте, а вокруг летает маленький мотылёк – счастье. Схватить его грубыми руками и всё, он погиб, погонишься за ним, раздавишь его неловким движением. Так что же делать? Может протянуть руку и ждать, пока мотылёк начнёт доверять тебе и сам захочет сесть к тебе на ладошку. Хотелось задержать дыхание и зажмурить глаза, чтобы случаем не спугнуть счастье.

Встав с постели Милидия села на подоконник и отодвинула шторы. Свет луны ворвался в комнату, но смотрела она на звёзды. Далёкие и прекрасные, они никогда не оставляли её равнодушной. Они заставляли её думать о них, думать о пре-

красных мирах, что скрываются там, в ночном небе. Звёзды заставляли её грустить, но они же и дарили ей надежду.

Что-то болезненно укололо в груди, и к горлу подступил кашель. Девушка закрыла рот рукой, и привычным жестом попыталось подавить его. Разум подсказывал, что стоит уйти от окна и вернуться в постель. Она в последний раз взглянула в окно и попыталась соскочить на пол. Босые ноги коснулись ледяного пола, и она сделала несколько шагов. Её снова накрыл приступ кашля, от которого Милидия пошатнулась. Должно быть, простуда вернулась из-за ночи, проведённой на улице.

«Только бы госпожа и господин Риверс не заметили моего состояния», – в испуге подумала молодая графиня. Она укуталась в одеяло, но её всё равно морозило. Холод шёл изнутри её самой, из её груди и её сердца. Это был яд воспоминаний, которые отравляли её жизнь.

«Если завтра они увидят, что я не здорова, они рассчитают меня и выставят на улицу. Я слишком сильно боюсь оказаться на улице, я боюсь остаться одна... Я ведь обещала себе ничего и никогда не бояться, а теперь боюсь...»

Она снова откашлялась. Такого рода тяжёлые мысли пульсировали в её голове и не давали уснуть. Лишь ненадолго, под утро она заснула, но едва лучи солнца стукнули в окно и ударили в глаза, Милидия поднялась с постели, убрала её, оделась и привела себя в порядок, затем спустилась вниз в гостиную. Там до завтрака, пока не вышли хозяева, она чи-

тала одну из книг, которые дала ей госпожа Риверс накануне для обучения. Ей было интересно, но из-за плохого самочувствия, информацию девушка воспринимала плохо. Юная графиня дрожала и куталась в свою шаль, но та совершенно не согревала.

Вошла Юнона. На рыжеволосой девушке было свободное домашнее платье, её лицо было свежим, она расцветала всем своим видом, точно экзотический цветок. Услышав её шаги Милидия нервно дернула плечами, повернула голову в сторону вошедшей хозяйки и быстро поднялась, приветствовав её реверансом.

– Ох, полно, милая, прошу тебя да оставь ты этот этикет и веди себя естественно, – Юнона ласково улыбнулась ей.

– Да, конечно, – с придыханием прошептала Милидия.

– Ты рано встала, хорошо ли тебе спалось?

– Да, благодарю вас, госпожа Риверс.

– Юнона, – она поправила её молодая женщина, окинув недоверчивым взглядом. – Что-то не очень похоже, – вполголоса добавила она. – Милидия, может тебе нездоровится?

– Нет, госпож..., – она тут же поправилась, – нет, Юнона.

– Ладно, пойдём к завтраку, сегодня у нас с тобой ещё столько дел запланировано. – И госпожа Риверс вновь улыбнулась ей.

За завтраком Артур и Юнона расспрашивали графиню о её предпочтениях относительно музыки, литературы, искусства. Также они пытались оценить её познания в науках, и,

кажется, остались довольны её начитанностью и хорошим образованием. Однако Юнону не покидало беспокойство за здоровье Милидии, которая почти ничего не ела и отвечала тихим, слабым голосом. Да и её муж будто бы тоже обратил внимание на болезненный вид их подопечной. Не выдержав, госпожа Риверс дотронулась ладонью до бледного лба юной графине.

– Так я и думала! – Она недовольно всплеснула руками. – Артур, похоже, у Милидии поднялась температура.

– Но, госпожа Риверс, со мной, правда, всё в порядке.

– Тебе нужно немедленно подняться в свою комнату и лечь в постель, – безапелляционным тоном выговорила хозяйка дома, – и я ведь кажется, просила тебя называть меня по имени.

– Но, Юнона, вы.., ты, же сама говорила, что у нас сегодня много дел.

– На сегодня у тебя только одно дело, Милидия отдохнуть и поскорее поправиться, – ласково выговорила госпожа Риверс, приобняв свою ученицу за плечи и, намереваясь увести из столовой.

– Юнона, может, стоит пригласить Иву, чтобы она осмотрела Милидию. – Обратился к жене Артур, когда девушки уже выходили.

– Думаю, пока не стоит, надеюсь, у Милидии всего лишь обычная простуда и я сама справлюсь с её лечением, – ответила ему молодая женщина.

Когда девушки поднялись в комнату Милидии, Юнона проследила за тем, чтобы её подопечная переоделась и легла в постель. Затем она подкинула в камин поленьев, угли в нём едва тлели.

– Чтобы померить температуру возьми градусник подмышку и подержи минут десять, хорошо, – по лёгкому взмаху ладони в руках у волшебницы возник термометр.

Милидия лишь слегка кивнула, не решаясь поднять глаз на госпожу Риверс. Она действительно чувствовала себя отвратительно, но стыдилась этого. Она не понимала своего состояния, не могла его осознать. Юнона и Артур, да и Фредерик тоже, кажется, искренне заботились о ней и желали ей добра. Но она всё равно не доверяла им, боялась их.

Точно догадавшись о её чувствах, Юнона положила ладонь ей на лоб и начала гладить по тёмным, рассыпавшимся по подушке волосам. Нерешительно, Милидия подняла на неё свои огромные глаза и сдержанно улыбнулась.

– Почему ты меня боишься, тебя кто-то сильно обижал раньше? – Ласково, но прямолинейно спросила её госпожа Риверс.

– Я не боюсь вас, тебя, – юная графиня запинаясь на каждом слове.

– Хорошо, вернёмся к этому разговору, когда ты немного освоишься и поправишься, – Юнона забрала у своей ученицы градусник. – Действительно, тридцать семь и восемь, у тебя лихорадка. Сейчас сделаю тебе тёплый чай и принесу

лекарства, а тебя попрошу остаться в постели, хотя бы пока температура не спадёт, договорились.

Юная графиня лишь кивнула, она будто бы не до конца осознавала происходящее. Госпожа Риверс вышла.

Милидия закрыла глаза и задумалась. Она действительно была нездорова и к тому же уже давно. Любой сквозняк, любое переутомление или изменение погоды вызывали обострение болезни. У неё часто случались мигрени, а в самом начале осени она сильно простудилась. Тогда она только начала работать гувернанткой в доме маркиза де\*Бернар. Хозяин, бывший в то время дома, заметил её состояние и вызвал врача, однако Отранс де\*Бернар, его жена и мачеха ученицы Милидии, вычла из жалования учительницы за визит доктора, и за лекарства. Тогда Милидия провела в постели лишь три дня, а по истечению этого времени, маркиза заставила её вернуться к занятиям с Адель. И если бы только к занятиям, ещё одной из обязанностей девушки было присутствовать на всех светских вечерах, которые Отранс устраивала почти каждый вечер и по несколько часов играть для её гостей на фортепьяно и петь. И Милидии был прирождённый талант к музыке и мастерство, приобретённое годами тренировки. До чего же неприятно было ей растрачивать свой дар на посредственные, новомодные песенки на потеху гостям маркизы.

В ту осень почти не было ни одного дня, когда бы Милидия чувствовала себя здоровой. Нередко ближе к вечеру у

неё начинался жар, и обыкновенно в гостиную маркизы она приходила очень бледная, с лихорадочным румянцем. Однако выдавать свою болезнь, Милидии было запрещено. Госпожа де\*Бернар ещё во время её первой простуды выговорила ей за это и сказала, что если такое повторится, то она рассчитает болезненную, бесполезную гувернантку.

Вскоре вернулась Юнона с лекарствами и чаем.

– Спасибо, ты, – Милидия послала ей ещё один смущенный и недоверчивый взгляд огромных карих глаз, так не похоже было поведение госпожи Риверс, на поведение её предыдущей хозяйки, – ты очень заботливая.

Юнона не ответила её, а лишь ласково улыбнулась и в очередной раз провела своей теплой ладонью по её голове.

– Отдыхай и поправляйся, – произнесла она, выходя из комнаты.

\*\*\*

Она чувствовала на себе чей-то взгляд...

Нет, это был не взгляд Адель, которая играла у фонтана с падшей листвой.

Нет, это был не взгляд тех двух молодых людей, что стояли в отдалении и беседовали. Одного из них она знала, это был бедный молодой поэт, безнадежно влюблённый в маркизу Отранс де \* Бернар. Кажется, он хотел поговорить с нею, Милидией о чём-то. Что же, слушать она умела. А второй, второй, его спутник, он даже не смотрел в её сторону, ему не было до неё никакого дело. Какое ему может быть дело до

маленькой серой мышки. Она тоже не удостоила его взглядом. Так и прошли они в тот день мимо друг друга, небесами друг другу назначенные.

Но этот взгляд из ниоткуда, он убивал её, он истязал её в тот день. Она чувствовала незримое присутствие кого-то ещё в тот день в парке, в самом конце осени.

Сейчас во сне она помнила все свои движения в тот миг. Вот она снимает перчатку и поправляет вуаль на шляпке, вуаль, что скрывает ото всех, от всего мира её печаль. И она поднимает глаза и взглядом встречается с глазами самого дьявола. А ведь она никогда не верила в дьявола, хотя и была всегда доброй христианкой. Верила лишь в Бога, в любовь и в милосердие.

И в тот миг взгляд ещё одного человека, человека, что появился на миг и также мгновенно пропал, притянул её и вовлёк в некий треугольник. Третьей вершиной этого треугольника были глаза молодого спутника поэта. Над ним кружил тот же злой рок, что и над ней. И он тоже видел, видел того человека. Как и она, он видел его с самого раннего детства. Этот взгляд являлся ей, принося в её жизнь смерть. Грусть и страдание пронзили сердце несчастной девушки. В душе её поселилась боль всего мира, боль каждого. Но этот замкнутый круг, что увлек её в пламя чувств и эмоций, обещал ей блаженство и свободу. Он высвобождал в ней неистовую, доселе неведомую страсть, страсть проклятой любви.

\*\*\*

Открыв глаза, она увидела обеспокоенное лицо госпожи Риверс.

– Ты беспокойно спала, Милидия, – выговорила она. – Тебе стало хуже, может, Артур прав, и мне стоит пригласить Иву или другого врача?

– Не нужно, – Милидия подняла на неё печальные глаза. – Это лишь сон, мне приснился дурной сон.

Точно не веря, Юнона дотронулась ладонью до её лба, а затем неуверенно произнесла:

– Хорошо, но если завтра тебе не станет лучше, я вызову доктора, так продолжаться дальше не может.

И госпожа Риверс вышла из комнаты.

\*\*\*

Но чем в это время занимался взбалмошный юноша. После того, как он устроил судьбу графини де\*Шеврез, первым его желанием, было вернуться и снова с нею встретится. Но он поборол его. Не хватало ещё влюбиться! Вот вздор! Какая-то маленькая, худенькая, бледненькая, чудная гордячка-графиня? С чудесными, томными, карими глазами... Потом Артур и Юнона, наверняка, что-то заподозрили, и очень не хочется выслушивать колкости ещё и с этой стороны. Ему столько всего открыто, он может общаться с интересными людьми, либо сам может что-то создавать, открывать, просто фантазировать или сочинять. И в один миг всё это приобрело, туманный, блеклый, гаснущий оттенок. Скучно, неестественно казалось теперь всё прошедшие. А будущие, обеща-

ющие быть счастливым и солнечным, упорно и строптиво не желало наступать. Хотя зачем и кому вообще нужно это будущее. Ему ведь неплохо было и в прошлом, до появления этой причудливой девушке. Опять она!... Нет, надо перестать думать о ней, надо обязательно чем-то заняться. Молодой человек снял с полки книгу. Читал едва ли более получаса, а потом запустил ей со всего размаха, со всей силы в стену. Каким в книге всё казалось ненатуральным, неправильным, а жизни текла, текла везде, но не здесь, не в его собственном доме. Да, в книге была жизнь, красивая, приключенческая, но не его, а значит отчуждённая. Приключения... Да это верное средство. Как было бы хорошо вдруг стать капитаном великолепного корабля, да, так что бы ветер разбрасывал во все стороны его золотистые волосы, чтобы мокрые, солёные брызги попадали на лицо, чтобы где-то на уровне горизонта летели, взывая к небесам, серебристыми стрелами добрые и прекрасные дельфины. Вокруг только белые, как снег, огромные паруса, облака и море, бескрайнее и бесконечное. А может лучше отправиться в далёкие джунгли, да, там будет более чем достаточно приключение. Но какая отрада, на вершинах диких, холмов, где не ступала нога человека встретить рассвет и проводить солнце. Ну а можно ещё придумать что-то вообще из ряда вон выходящие. Например, путешествие на дно моря к красавицам русалкам, или уменьшиться, и открыть прекрасный мир с феями и эльфами, где ему всё подвластно, и всё создано им, его

мыслью, его воображением. А разве есть что-то неподвластное волшебникам? Он обозлился сам на себя. Глупо, конечно ему подчинится всё, стоит только захотеть. Он может повлиять даже не чувства и мысли других людей. Например, почему бы не поэкспериментировать с этой Лидией-Милидией. Вот пусть бы она немедля влюбилась в него по уши. Пусть бы сохла по нему, с ума сходила. Ну и куда денется вся её надменность?

Фредерик даже заулыбался, так понравилась ему эта мысль. Прекрасно, так ей и надо, ну а потом, влюбляться полезно, особенно таким барышням, пусть побегает за ним, но он будет непреклонен.

Но вдруг ему в самом корне стала противна эта затея. Это неправильно, нечестно, пусть уж если его полюбят, то только ради него самого. А не из-за обмана чувств. Да, это настоящий обман, и он губителен для сердца и для души пылкого юноши.

\*\*\*

Как давно это было...

Фредерику было пять или шесть лет. Он был учеником самого сильного волшебника всех времён. Мальчик очень заинтересовал Тальфа Аренс, так звали могущественного мага.

Это был страшный человек, глаза его казалось, горели огнём, извергали лаву и металы молнии. В огне рыжих волос его, неестественно красно-карих глазах, смуглости лица

и неправильности черт, казалось можно рассмотреть олицетворение всех стихийных бедствий. Его боялись все, кроме его ученика. Да, Фредерики в детстве проявил свой свободолюбивый характер. Он не боялся этого огненного чудовища в людском облики. В озорном мальчике было столько противостояния, а его прыткость не украшало ничто. Каждая отрицательная черта Тальфа искривлялась в верную сторону в его ученике. В этом ребёнке жизнь была, словно бурная река, он был вечным искателем, путешественником, ему прочили будущие первооткрывателя. Но при своём таланте он жил для людей. Да, у него была прекрасная, чистая, благородная душа, понимание добра и зла. Тальф же, напротив, жил только для себя, служил своим страстям и желаниям. Да, желание быть лучшим, честолюбие, чувство превосходства над другими съедают сердце.

Тогда, совместными усилиями Совету Волшебников удалось остановить злого гения. Его заточили в башню, которую за это называли Чёрной. Злодей, тогда чуть не погубил своего ученика, в котором до этого видел будущего приемника. Но, самое удивительное, ведь, он боялся мальчика...

\*\*\*

Фредерик очнулся от неприятных воспоминаний. Нет, так дальше нельзя. И опять всё из-за этой крошки.

– Что с тобой, ты очень бледен? – Он услышал над собой голос Артура. Из-за своих мыслей он и не заметил, как господин Риверс вошёл в комнату. Подняв на Артура глаза,

Фредерик молча приветствовал его кивком головы.

«Ведёт себя почти так же, как и Милидия. А ведь это Фредерик, тот самый Фредерик, привыкший всегда держать судьбу в узде» – невольно подумалось Артуру.

– Ты не здоров? – Снова спросил Фредерика его друг, присаживаясь в кресло напротив.

– Нет, с чего ты взял, – Фредерик мотнул головой.

– Сейчас резко похолодало, многие простужаются, – Артур ненадолго умолк, а затем как бы невзначай добавил, – да вот и Милидия, тоже слегла с температурой.

Фредерик резко дёрнулся, поднял глаза на Артура и возбуждённо выговорил:

– Она заболела? Что с ней? Это серьёзно? Ты пригласил врача к ней? – Молодой человек, неожиданно даже для самого себя поднялся с кресла, но тут же опустился в него, осознав и устыдившись своего неуместного, как показалось ему, возбуждения.

От Артура это не укрылось. «Он никогда не стал бы так волноваться, будь она ему безразлична. Да, мы не ошиблись с Юноной в тот первый раз, в день, когда Фредерик привёл её к нам. И что же будет дальше?!»

– Успокойся, у неё всего лишь простуда, да и Юнона от неё не отходит. Думаю, через несколько дней Милидия поправится, и мы приступим к её обучению. Должно быть, она была не здорова, ещё, когда ты её нашёл, да и неудивительно, она такая хрупкая, а столько пережила за последние месяцы.

Кроме того, кажется, она долго терпела не самое лучшее обращение к себе.

– Почему ты так решил Артур? – Всё ещё не в силах совладать со своими чувствами Фредерик теперь метал гневные взгляды. Это тоже не укрылось от пронизательных глаз его друга.

– Очень уж она замкнутая и нелюдимая, даже Юнону будто бы боится, – точно невзначай бросил господин Риверс.

– Что же, – Фредерик взял, наконец, себя в руки, – уверен, твоя жена позаботится о ней должным образом, – он постарался придать равнодушие своему голосу.

– Да, Юнона занята почти лишь ею, – заметил Артур с деланным раздражением. – А я вот заскучал и решил тебя навестить.

– Что же очень мило с твоей стороны, – не без сарказма заметил Фредерик. – Не хочешь сыграть в шахматы или в бильярд, поразвлечься так, сказать.

– С удовольствием.

И они прошли в кабинет Фредерика. В этот день игра у хозяина дома не ладилась. Фредерик, привыкший всегда выходить победителем, сегодня без конца проигрывал своему другу...

\*\*\*

Наутро Милидия чувствовала себя немного лучше. Она встала и подошла к окну. И тут взгляд её упал на хрустальную вазу, стоящую на подоконнике, в которой стоял огром-

ный букет белых роз. Девушка взяла цветы в руки и поднесла к лицу. В этот момент вошла Юнона.

– Спасибо, вы с господином Риверс очень добры ко мне, – Милидия подняла на неё по-детски восторженные глаза.

– Да не за что, – Юнона терялась в догадках, откуда мог взяться букет.

## Глава 5. Начало обучения.

Прошло несколько дней, и Милидия выздоровела, благодаря заботе Артура и Юноны. Девушка немного окрепла, стала более разговорчивой, а в один из вечеров даже попросила у хозяйки дома разрешения сыграть на её фортепиано. Конечно, госпожа Риверс разрешила ей и была приятно поражена музыкальными способностями Милидии. Юная графиня, не выражающая обычно почти никаких эмоций, вкладывала в свою игру талант и страсть. Она оживала, сливаясь руками с инструментом, она, неяркая, неприметная обретала с ним свет и звук, а с ними плоть и страсть. Увлечшись музыкой, Милидия попыталась пропеть последнюю мелодию, но тут Юнона была вынуждена её остновить:

– У тебя ещё не окрепло горло, побереги себя моя милая, – выговорила она, приобняв свою за плечи свою ученицу. – И знаешь, ты была великолепна, ты была красива, красотой незримой.

– Спасибо, что разрешила мне сыграть, – редкая улыбка скользнула по её лицу, – я давно не практиковалась, а это вредно, руки забывают.

Утром следующего дня Артур и Юнона пригласили Милидию в библиотеку.

– Милидия, – Артур, который смеялся и шутил за завтраком, вдруг стал серьёзен. – Я буду прям с тобой. Ты, я наде-

уюсь, понимаешь, что то – чему мы тебя научим, открывается далеко не всем, не многие владеют этой тайной, и ты, я думаю, будешь хранить её в строжайшем секрете. Волшебство требует высокого уровня знаний во всех сферах: в точных и естественных науках, иногда глубокого понимания сложных вопросов в гуманитарных этических областях, в философских идеях.

– Милидия, подумай, может, ты хочешь вернуться к прежнему образу жизни? – Глаза Юноны светились участием.

Прежняя жизнь... Стать баронессой де\*Кверлик, связать свою судьбу с тем, кому от тебя ничего не нужно кроме денег и кто тебе противен... Нет, она не хотела такой жизни!

– Подумай, не обязательно ведь всё будет, так как должно было бы случиться. Мы вместе, и Фредерик испросили бы разрешение у Совета повлиять на твою судьбу. Ты могла бы себе выбрать место жительства, состояние, может быть профессию.

Было бы прекрасно. Не будь в её жизни ни барона, не опекунского совета, она бы смогла вздохнуть свободно. Богатство ей особо не нужно. Хотя... Она бы уехала в какой-нибудь прекрасный природный уголок, где поля, леса, горы, реки. Где поют птицы, цветут цветы и деревья, где тишина и покой. Там бы на деньги своего графского состояния она бы открыла школу. Но не для богатых и знатных девиц. Нет. Там бы жили и учились дети из несчастных семей и сиротки. Она бы построила для них прекрасный дом, дала бы достойное

образование, помогла бы устроиться в жизни. На первое время надо было бы нанять помощниц, а потом бы и её ученицы смогли бы стать учителями. Прекрасный сад, где в хорошие дни проводились бы уроки и бегали счастливые дети, её дети. Близкие и любимые ею, как родные. В этом саду росло бы много цветов: розы, лилии, ирисы, а ещё были бы аккуратные беседки и витые качели. Весной там бы цвели яблони и вишни, а поздним летом и осенью среди листвы адели спелые ягоды...

... Там стоит запах мёда, корицы и яблок. А за садом простираются просторы полей, где золотятся колоски пшеницы, ржи, среди которых маячками сияют васильки и ромашки. Поля, где в редкие минуты, свободные от занятий с ученицами часы, она во весь опор скачет на лошади. Да, в этом она всегда походила на мальчика. Конечно же, она не любила ни охоты, ни стрельбищ, но мчаться на лошади, так, чтобы ветер дул в лицо, рассыпал распущенные волосы и чтобы мимо проносились картины красот природы. Это было её пристрастие. Там леса, где каждый листок и травинка шепчут тебе что-то, где в июле на тонких ножках-тростинках пучками растут черника, земляника и костяника. Они таинственно манят к себе. Протяни руку и у тебя в ладошке лесное лакомство. И ещё горы... загадочные и заманчивые. От них веет дикостью и лавандой, там бьют родники с чистой водой и извиваются камнеломки. Туда она и её ученицы ходили бы делать зарисовки к пейзажам. Да, там можно быть счастли-

вой, там свобода, любовь к которой и страсть, и отличительная черта моей героини.

Она будет жить там, как жила, будучи ещё ребёнком, а потом совсем юной девушкой у родителей в старом замке, в частной школе у Агибаль де\*Моран своей крёстной и своей наставницы, как жила с дядей. Она жила видя весь мир и уединившись, оторвавшись от него. И лица всех близких, кого она любила и кого потеряла, встали перед ней.

Когда Милидии было два года, у её матери был выкидыш, её сестра родилась мертвым ребёнком.

Когда Милидии было четыре года, у неё родился брат, умерший через несколько дней после рождения.

Когда Милидии было семь лет, в их семье снова появился ребёнок, ещё одна девочка. Маленькой Милидии даже удалось подержать несколько раз свою новорожденную сестрёнку на ручках. Её сестры не стало спустя три недели после рождения.

Когда Милидии было восемь лет её мать графиня, а потом и отец заболели сыпным тифом. Они умерли в один день. Девочке не позволили проститься с ними.

После смерти родителей Милидия уехала в частный пансион, настоятельницей в котором была её крёстная Агибаль де\*Моран. Эта женщина стала ей не только наставницей, она почти, что заменила Милидии мать. Последние несколько лет, уехав из пансиона, Милидия состояла в переписке с госпожой де\*Моран. Но вот уже год, она не получала ответов,

на письма, которые отправляла своей крёстной.

В конце этого лета из-за болезни сердца умер её дядя, забравший её от Агибаль де\*Моран, когда ей было пятнадцать лет. Это был единственный из живых людей, кто любил её. Двадцатилетняя Милидия осталась одна на всём свете.

Но пройдут года, и так случайно, но так случится: и этот чудесный мир отдалится от неё. Да, у неё будут дети, для которых она будет жить. Но будет ли рядом человек, который назовёт её любимой, которого она сможет полюбить? Неужели живя в уединение, среди искренности детей она не найдёт любви? Вдруг тёмным облаком перед ней промелькнуло лицо Фредерика. Но теперь в нём не было ни озорства, ни иронии. В нём затаённая печаль мешалась с невысказанной просьбой, а может быть с обманутой надеждой и не исполненной мечтой. Он разочарован и смотрит на неё с упрёком.

Она даже отшатнулась назад, ей показалось, что это был соблазн и так не должно быть, так неправильно, нечестно. В жизни должно быть всё справедливо, маленькая истина, усвоенная ей ещё в детстве. Счастье надо заслужить. Ей открылось что-то новое, волшебное и жутко секретное, а она чуть сама не выпустила своё правильное будущее.

– Я очень хочу стать волшебницей, если у меня конечно получится.

– Отлично – выговорил Артур, а Юнона приветливо ей улыбнулась. – Тогда попробуем. Итак, основные принципы

чародейства: желание – надо осознанно понять, что ты хочешь и для чего с какой целью. Воля – всё прочие надо подчинить себе с твёрдостью и настойчивостью. Ну и мысль, надо чётко представить, что должно исполниться, вообразить всё: вкус, запах, все ощущения связанные с желанием, всё, вплоть до невидимых впечатлений и ассоциаций. И, да, всё это надо рассмотреть со стороны естественных законов, иногда рассчитать траекторию или скорость взлёта, а это, как вы понимаете не просто.

– Я готова к этому, – и откуда взялась решительность.

– Хорошо, тогда первое задание: на этом листе бумаге – на столе лежал абсолютно белый лист – Должна появиться фраза: «Быть или не быть, Вот в чём вопрос».

Девушка зажмурилась. Желание, цели, ну они-то вполне понятны, воля, тут сложнее, удастся ли ей? Оставить сомнения, так совсем ничего не выйдет! Надо верить в себя, мысль... Она сосредоточилась. По буквам, мысленным взором она выводила Шекспировскую цитату.

Она открыла глаза... Получилось, на бумаге было чётко написано то что надо. Но на этом она не остановится. И так, скоро на бумаге появился весь монолог Гамлета, и притом каждая строка была написана разным почерком.

– Остановись, – Артур прервал её. – Я вовсе не просил тебя приписывать всю трагедию Шекспира. Ну, Юнона, что ты об этом думаешь?

– Странно, что не появилось перо, так редко бывает, точ-

нее, было, но один раз, и ты знаешь у кого. Милидия, вызвать перо и вывести буквы на бумаге с его помощью намного проще, чем заставить появиться буквы самостоятельно. Надо подчинить их себе, как бы слиться с ними воедино. Это задание обычно даётся, как задачка на логику.

– Из всех будущих волшебников решить её вот так в лоб удалось только Фредерику.

– Ну, это было почти несложно.

– Значит ты смелая, у тебя сильный характер, бурное воображение и ты неплохо разбираешься в расчётах. Более того, после этого маленького экзамена, мы убедим Совет разрешить тебя обучить волшебству, а потом и введём тебя в него.

– Да, понимаешь, – Юнона как-то виновато потупила глаза. – На роль волшебников готовят с самого раннего возраста, и далеко не всем удаётся творить настоящие чудеса. Но у тебя прекрасные способности, тебе надо лишь немного подучиться.

\*\*\*

Милидия каждый день занималась с Юноной или Артуром, много сама училась и читала. Но ей не хватало практики. Всё волшебство, сотворённое ею, было настолько хрупким, что её новые друзья могли легко разрушить его, а она не могла сломать даже самых незатейливых из их заклинаний.

Фредерик ни разу не появлялся. Артур открыто негодовал на него за это. Юнона молчала, хотя явно тоже не одобряла

подобного поведения. Милидия же... Она загрустила. Нет, она ни за что бы, ни призналась самой себе, что влюблена. Всякую подобную мысль её помощник – Господин Здравый Смысл любезно отгонял, а её грусть и привязанность жутко логично объяснял благодарностью молодому волшебнику.

## Глава 6. Приглашение.

– Доброе утро, Лиди-Милиди! – она спускалась по лестнице с книгой в руках и так увлеклась чтением, что едва не налетела на Фредерика. Ну, конечно же, кто ещё мог обратиться столь насмешливым голосом. Она же сама чуть не поскользнулась на ступеньках, но юноша подал ей руку – Не чему тебя жизнь не учит, ты опять чуть не упала, и всё книжки читаешь.

– Спасибо, – прошептала девушка.

–Что это? – Он всё ещё держал в руках её книгу. – «Основы чародейства» и тебе не скучно?

– Нет, хотя Юнона говорит, что мне не хватает практики.

– Ну, так дайте срок, сударыня, и она у вас появится.

– Вы даёте честное слово?

– Самое честное и волшебное...

– Милидия! – Юнона тоже появилась на лестнице, и была удивлена не менее своей подруги. – Фредерик, неужели ты решил одарить нас своим присутствием?

– Хотел узнать об успехах моей протееже.

– И только? – Юнона обижено поджала губки. – Ну в таком случае скажу тебе, Милидия удивила нас, и если через полгода она не войдёт в Совет, то...

– Ну и что же?

– То я скажу, что там заседаю одни глупцы и трусы. – Ар-

тур тоже вышел к лестнице. – Ну и тебе не стыдно, не интересовался ею месяц и тут нарисовался, не сотрёшь.

– Стыдно должно быть вам, а не мне, я тут уже полчаса околачиваюсь, а вы мне даже чаю не предложите, – отпарировал юный волшебник.

– Хватит вам пререкаться. – более миролюбиво заметила Юнона, – и, правда пойдёмте пить чай.

– Давно бы так.

За чаем Фредерик продолжал успешно начатую им насмешливую тему. Артур и Юнона, уже очевидно привыкшие к колкостям своего друга, успешно отбивались. Тогда он перекинулся на графиню, кажется добратся до молчаливой девушки, была его цель с самого начала. Милидия, неприученная к войне остроумия, терпела поражение за поражением. К счастью Юнона с верность приходила на помощь подруге, Артур же упрекал злого насмешника, но и это не помогало. В конце концов, Юнона не выдержала.

– Я надеюсь, ты, юный острослов, – заметила она, – пришёл не только затем, чтобы упражняться в своём искусстве, против нашей милой Милидии.

– Вы правы, госпожа медная булабочка, – он в очередной раз этим эпитетом обратился к рыжим волосам собеседницы. – Я хотел бы посмотреть, чему научилась «ваша милая Милидия», и если вы ничего не имеете против, я бы хотел, что бы в Новогоднюю ночь она была мой партнершей по вальсу на балу.

На всех лицах было написано крайнее удивление. Первым очнулся Артур.

– Да, конечно если Милидия согласится.

– Я согласна! – И кто её за язык тянул, рассердилась она сама на себя, заметив улыбку, скользнувшую по устам Фредерика. Могла бы хоть немного так явно не обнаруживать своих чувств. Но она так давно не танцевала, а так этого хотелось. Хотелось красивой музыки и что бы чьи-то сильные руки кружили её в вальсе.

\*\*\*

Ровно в семь часов вечера тридцать первого декабря в дверь комнаты отведённой графине настойчиво постучали. Девушка открыла. На пороге стоял Фредерик в идеальном бежевом камзоле с золотой вышивкой.

– Как, я вижу, новоиспеченная волшебница до сих пор не готова!

– Юнона сказала, что бал начнётся в двенадцать и ...

– До двенадцати у нас с тобой ещё много великих дел. И если крошка Мили ещё не научилась даже самому маленькому чародейству, придется мне продумать её внешние вид к вечеру.

– Не надо! – Она даже отшатнулась, – через пять минут я буду готова. – Она ещё не забыла прошлого раза.

– Пять минут и ни секундой больше!

Она осталась одна в комнате, подошла к зеркалу, итак платье... Пусть будет белым со множество голубых цветков, и

длинным лёгким прозрачным шлейфом. Добавим серебряную вышивку. Получилось... она стояла в ослепительно белом платье с множеством фиалок, шлейф, которого казался лучом луны и на нём тоже были цветы. Туфли, они казалось, были сотканы из подснежников и звёзд, и на них должно быть, можно было взлететь. Причёска, пусть взобьётся локонами и хватит с неё. Ей вдруг захотелось блистать, ну, хорошо, пусть ещё будут серьги в виде фиалок.

Когда она вышла, Фредерик, увидев ее, был поражён. Она улыбнулась той прекрасной девичьей улыбкой, в которой в наиболее правильной пропорции тонко мешались скромность с кокетством, что придавало её образу ещё большую прелесть и свежесть. И её главная цель – юный волшебник была поражена. Но, увы, триумф длился не долго. Молодой человек подавил своё смущение, надев маску строгого критика.

– Ну что же, неплохо, признаться, я думал всё более запущенно. Конечно без шика, без лоска, без фантазии. Природного шарма у тебя тоже немного, но на первый раз для моей партнёрши сгодится.

Всё это звучавшие из его уст, можно было расценить как комплимент.

– Ну, теперь Лиди, нас ждёт настоящее Новогоднее приключение.

## Глава 7. Качели.

Огромная, ярко освещённая множеством огней зала, полная людей разного возраста, предстала перед глазами графини. Но всё это она видела с более чем странного ракурса. Она находилась среди елочных ветвей и сама теперь была размером с игрушку. Но тут же она обнаружила, что действительно превращена в елочного ангелочка. А Фредерик? Куда он исчез? У девушки не было сомнений, что это его проделка. И тут совсем близко, она заметила другую елочную игрушку, солдатика в бежевом мундире, с золотыми волосами и васильковыми глазами, кажется, он улыбнулся ей, но, конечно же, это он.

– Что произошло?

Вместо ответа, он подошёл к ней, взял за руку и взглядом попросил не привлекать внимания к себе. Идти по еловым веткам было совсем не страшно, они хорошо удерживали и слегка пружинили под ногами. Когда они углубились в самую чащу, ведь теперь елка для них была сравнима с целым лесом, а её ветки с деревьями, Фредерик объявил своей спутнице:

– Теперь мы отправимся с тобой в волшебную страну.

– Куда?

– Больше тебе ничего не скажу, скоро сама всё увидишь.

– Подождите, но кто все эти люди?

– Это очень хорошие люди...

– Но кто они?

Её собеседник отвернулся задумавшись. «Вечно он говорит загадками, – подумала Милидия. – Но теперь он ничего не ответит», – однако она ошиблась.

– Понимаешь, Милидия, есть люди счастливые, а есть те, к кому судьба несправедлива. Да, я не могу влиять на жизнь людей, но их сон, а они действительно только спят. Это область моего влияния, в неё некоторые волшебники иногда вмешиваются. И я хотел всего лишь подарить им сказку, пусть не наяву, а вместе с ней и надежду.

– Значит, – после некоторого молчания дрогнувшим голосом спросила девушка, – они все только спят? А проснутся, так уже и нет ни чуда, ни волшебства, и всё прошло?

– Да, должно быть, так...

Что-то жалостливо сжалось в ней, и в глазах столько сострадания.

– А, я тоже проснусь и больше, ничего не будет? Знаете, я иногда думаю, что до сих пор лежу в том переулке, и все это мне грезится, последний раз, а потом оборвется и превратится в такой же кусочек льда, каким стану я сама...

– Что за вздор, ты нераздельно привязана ко всему этому, чародейка кареглазая... – Он чуть не добавил к этому «моя», но что-то остановило. Что? Об этом позже – Ну, пойдём, время не ждёт!

Сам голос его успокоил все сомнения, а слова, пусть го-

ворит, что хочет, сам голос, его голос...

Они поднялись к елочной звезде, такой золотой-золотой. Поднимаясь, вместо лестниц они использовали гирлянды и мишуру.

– Теперь встань на этот выступ и повернись лицом к звезде, – проговорил он.

– Зачем?

Если уж они оказались на елке, да еще, будучи в таком необычном образе, так было бы забавно, хотя бы покататься гирляндах, как на качелях, так необычно и чудесно...

– Ты будешь меня слушаться?

Что же, она повиновалась. И вдруг золотая звезда исчезла, а Милидия очутилась на пороге пропасти. Графиня, хотела отступить назад, но кто-то с силой толкнул её. Девушка полетела вниз.

Несколько мгновение беспрепятственного падения и ноги её ощутили опору, а в руках появились верёвки. Через пару секунд Фредерик появился прямо перед ней.

– Тебе понравилось?

Она не была в состоянии даже отвечать, так была напугана.

– Я тоже люблю качели, – заметил он, на его губах блуждала озорная улыбка.

Только теперь Милидия поняла, что они находятся на качелях, но вокруг произошло что-то нереальное. В небе, ставшем каким-то розово-карамельным, и будто бы даже стек-

лянным, летали огромные разноцветные шары и незнакомые девушке устройства. Внизу под качелями плыли кораблики, огибая островки с игрушечными, сказочными деревьями и домиками. А вдалеке, где небо мешалось с морем, а облака с белыми барашками волн, выходил прекрасный величавый замок. Ажурный, казалось, он выточен из огромного рубина, и сияние от него исходило тёплое, розово-рыжее. Солнце уже готовилось заходить, дул лёгкий шелестящий ветерок, и сам воздух был пронизан солнечными лучами.

« Я тебя люблю, Милидия, люблю, люблю... » – услышала девушка. И что же это было, ветер ли, шелест листы при-несли эти сладкие, пьянящие слова или кто-то произнёс их вслух. Но кто... Фредерик... Нет, он даже не смущён, и на губах всё та же насмешливая улыбка, нет он никогда бы не смог полюбить её. Никогда. Ей показалось... Просто показало-сь. Надо собраться и заговорить с ним, так будет лучше. Пусть в сердце царит покой.

– Глупо так шутить Фредерик, а если бы я разбилась.

– Трусишка, я бы в любом случае тебя поймал, у меня всё было под контролем, а вам, графинечка, не мешало бы перестать вечно, падать и научиться летать.

– Вы умеете летать, и крылья у вас есть?

– Нет, правда, если я захочу, крылья появятся, но мне больше нравится летать просто так, или с Энрико.

– Энрико, кто это?

– Мой друг, и, между прочим, ты уже летала с ним, и по-

правилась ему.

– Я никогда не летала.

– Ошибаешься, ты просто не помнишь этого. В ту ночь, когда я тебя спас.

– Но кто он...

– Сейчас всё увидишь, мы полетим в Рубиновый замок. – Он отпустил руки от верёвок, сошёл с доски и, стоя на воздухе, хлопнул в ладоши.

## Глава 8. Рубиновый Замок и его обитатели.

Вдруг из неоткуда возник олень и приклонился перед девушкой на одно колено.

– Не бойся его, прыгай ему на спину и обхвати шею руками.

– А вы?

– А я полечу рядом.

Девушка легла на мягкую спину Энрико, и они полетели по волшебной стране.

– А кто живёт в Рубиновом Замке?

– Да, кто только не живёт, но не спрашивай ничего, иначе тебе будет неинтересно.

Он летел рядом с нею, и на ветру волосы его рассыпались золотыми змейками, а к обыкновенно бледному лицу прихлынула кровь, отчего щёки заалели. Фредерик был, кажется, чем-то увлечён, или думал о чём-то лично-тайном, отчего и глаза и улыбка утратили обыкновенную насмешливость и приобрели какой-то донельзя искрений и чистый вид. Милидия вдруг подумала, что он, наверное, действительно необыкновенно красив.

Но вот Энрико опустился на один из многочисленных балкончиков замка, волшебник подал девушке руку, та спустилась. Олень исчез, так же внезапно, как и появился.

– Куда мы попали?

– Это королевство игрушек. Которым правят король Юло, ну и, конечно же, его жена, красавица Скарлетт, есть ещё и их дочка, маленькая прелестная Оливия.

– Оливия...

– Да, Оливия, вы графинечка вспомнили свой псевдоним, Оливия Хьюдин, или что-то в этом роде, кстати, почему именно так?

– В детстве у меня была любимая кукла, которую я так называла.

– Значит, крошка Мили до сих пор играет в куклы?! – Волшебник наградил её снисходительным взглядом. – Занятно, занятно...

Девушка уже раскаялась в своей откровенности, покраснела до корней каштановых волос, в самом деле, стоит ли кому-то открывать душу, не лучше ли молчать, скрываться и таить и чувства, и мечты свои.

– Милидия! – Её по имени окликнул чей-то мелодично-радостный голосок. – Я так мечтала тебя увидеть и поговорить с тобой!

К графине подбежала девушка с маленькой короной на голове. В ней она без труда узнала свою любимую белокурую, с бирюзовыми глазами куклу, теперь она была чуть-чуть повыше своей хозяйки. Игрушечная принцесса, свеженькая и хорошенька приобняла Милидию за плечи.

– Оливия, научись показывать свои чувства людям как

можно менее, ведь едва ли кто из них этого стоит! – Если принцесса была хороша, то королева прекрасна. Высокая, статная, золотоволосая, вся в алом бархате, она очень была похожа на дорогую фарфоровую куклу хорошей работы. Заметив Фредерика, она переменялась и в лице, и в голосе, улыбнулась кокетливо, как любая благородная дама из высшего общества – Здравствуй, Фредерик, и кто же твоя юная спутница?

– Но, мамочка, это же Милидия графиня де\*Шеврез, я столько-столько рассказывала Вам о ней! – Защебетала Оливия.

– Да, кажется, что-то припоминаю, – королева поднесла руки к вискам, а затем встряхнула ими, всё это было проделано чрезвычайно изящно, но в то же время наиграно. – Но сейчас, должно быть подойдёт король, ах, ах, он так занят. Вечно что-нибудь происходит, как мне всё это надоело.

Эта особа, по мнению Милидии была слишком уж недовольна жизнью. Однако Фредерику она, кажется, симпатизировала, не сказать большего, что также начало раздражать девушку.

– Странно, по вашему лицу, ни за что не подумаешь, будто вам плохо жить. – Заметил Фредерик. – Оно хорошеет с каждым днём.

Этот довольно сомнительный комплемент вызвал улыбку, в которой довольство мешалось со снисходительностью:

– Очаровательный, остроумный молодой человек, что де-

лать мне такой несчастной, против вас.

– Как что, пускать в ход свои чары.

– Ну, это больше по вашей части, ведь вы же волшебник.

– И что с того, я не менее других чувствителен к вашей красоте.

– Не понимаю о чём вы? – Она примерила наивность.

В таком тоне они ещё несколько минут мило щебетали. Милидии была неприятна их беседа. Особенно пренебрежение юного волшебника, ведь он пригласил ее, а теперь и не смотрит в её сторону. Лучше было и вовсе остаться дома. Да, Скарлетт, действительно красива, и девушке далеко до неё, но зачем так явно выказывать это. Она бы расплакалась, до того было обидно. Но уязвлённая гордость дворянки заставила надеть маску безразличия. Какое ей, в конце концов, до них дело, это их жизнь и она не имеет права совать туда свой нос.

Короля этого сказочного королевства девушка сочла забавным. Его звали Юло, но мысленно Милидия, тут же переделала его в Юлу. Он был похож на игрушечного волчка и манерой, и жестами, и даже внешностью и одеждой. Яркой, пёстрой, одним словом такой, которая покажется красивой лишь ребёнку, а взрослый найдёт её смешной и нелепой. Король отдал девушке несколько комплементов, правда, скорее, из желания нравиться всем. Учтивость и прекрасное знание этикета, в которых воспитывалась графиня, обязывали её ответить на них и склониться в реверансе. Однако,

в конечном счёте, всё это сыграло только на руку ей. Королева, наблюдая за этим, скривилась в брезгливой полуулыбке, ей явно не нравилось внимание оказанное девушке. И всё было бы хорошо, если бы не острый язык Фредерика.

– Не хотели бы вы, милая графинечка, остаться при дворе, кажется, вам нравится здесь?

Милидия, хотя и последние время много практиковалась, благодаря всё тому же Фредерику, так и не научилась остерить. Оставалось только мило улыбнуться и потупить глаза.

– Молчание – знак согласия, – заключила королева, – оставайся, милая, я с радостью приму тебя в свою свиту.

Но скоро их величеству, по выражение его августейшей супруги, было необходимо приступить к важнейшим государственным делам, не терпящим отлагательств. А эти «милейшие пташки», как мысленно окрестила Милидия королеву и волшебника, снова принялись нежно щебетать. Обида обожгла девушку, колола, точно первые морозы в ноябре. Она бы совсем раскисла, если бы кто-то ласково, но настойчиво не дёрнул её за руку.

– Ваше величество, нельзя ли мне показать Милидии мою комнату? – Ну, конечно же, это была Оливия.

Королева повернула голову, будто бы её отвлекли от необыкновенно важного разговора, но всё-таки утвердительно кивнула. Девушкам только это и надо было, спрашивать у Фредерика, графиня де\*Шеврез и не думала. Несмотря на то, что они пришли вмести, он первый покинул её. И, во-

вторых, она не ребёнок, что бы спрашивать разрешения у юнца-волшебника, который едва ли двумя годами старше её самой. Как раз в этот момент Скарлетт отвернулась к зеркалу, что бы поправить причёску, Фредерик не мог удержаться от соблазна, и, впервые обратив своё внимание на девушек, состроил им физиономию, в которую, кажется, вложил всю свою вредность. Принцесса и Милидия едва сдерживали смех, но стоило королеве повернуться, как обеих проказниц точно ветром сдуло.

Когда девушки поднимались по лестнице, оловянные солдатики, стоявшие на каждой ступеньки, отдавали им честь. По сравнению с представителями охраны дворца Милидия была маленькой хрупкой девочкой. Может Фредерик прав, и она ещё ребёнок, раз игрушки и те выше её ростом.

Комната Оливии полностью копировала её изящную спальню в кукольном домике.

– Узнаёшь? – Спросила принцесса. – Я была здесь так счастлива, помнишь, мы играли с тобой. Но что произошло, куда ты потом исчезла? Это из—за господина Кокше и барона?

– Откуда ты знаешь?

– Ты рассказывала мне обо всём, что с тобой происходило, только я не могла ответить. Садись, – она подвинула ей кресло, приставленное к туалетному столику, – можно я попробую тебя причесать, у тебя такие красивые каштановые волосы, мне всегда хотелось заплести их в косу. Ну а ты мне

всё-таки расскажешь, что с тобой случилось.

– Да, я попробую, – и Милидия начала свой рассказ.

Графиня постаралась придать весёлый тон голосу, рассказывая свою отнюдь не радостную повесть, она подбирала более жизнерадостные слова. Сейчас особенно не хотелось, чтобы её кто-то жалел, да она и не любила жаловаться. По всему получилась какая-то волшебная детская сказка, где всё легко, сладко, да гладко, но ведь на самом деле это не так. Даже теперь чудеса не случались просто так. Графиня не знала, разгадала ли Оливия её уловку, но чувствовала себя уличённой во лжи, посмотрев в глаза слушавшей и не перебивающей её принцессы, она покраснела и тем, должно быть, выдала себя с головой.

– Ты влюблена в Фредерика?! – После некоторого молчания изрекла Оливия, и в голосе явно преобладало утверждение, нежели вопрос.

– Вот ещё! – Милидия надула губки. – Конечно он хороший, но вредный, заносчивый и... и, сапоги у него вечно нечищены.

– И всё-таки ты его любишь, ты просто не хочешь мне этого говорить. А раньше ты говорила мне обо всем, что с тобой происходит.

«Не всё, что выговариваешь кукле, поведаешь человеку», – подумала Милидия, но вслух произнесла:

– Фредерик любезничает со всеми девицами, станет он на меня смотреть, когда вокруг него собирается столько краса-

виц.

– Глупенькая, – Оливия дотронулась пальчиком до кончика носа юной де\* Шеврез, – между прочим, ты очень даже хорошенькая. И он ещё никогда и нигде не появлялся ни с одной девушкой. Характер у него, конечно, не простой, он тебя всего лишь злит, а на деле он влюблён. Ну, посмотришь в зеркало, тебе нравится?

Милидия глянула в зеркало. Венок из фиалок дополняли живые цветы, белые и голубые, вплетённые в волосы. А как хороши были переливы кудрей, каштановый, тёмно-коричневый, почти чёрный, было ещё что-то огневеюще-рыжее, и может цвета старинной меди, а при особом ярком падении света, даже пудрово-розоватый.

Она вытерпела за вечер и язвительность Фредерика, и насмешки королевы, и теперь не смогла снести своего же взгляда. Забывая достоинство, гордыню, стыд, она с трудом смогла проглотить немного воздуха едва раздвинув губы. Милидии казалось, что она задохнётся, в горле, будто что-то встало. В глазах встали слёзы, встали и не двигались, не стекали по щекам. Глаза стали приобретать нездоровую полупрозрачную зеленцу, так бывало, если она много плакала, но ведь теперь было не так или она ошибалась?...

– Тебе не нравится?

– Нет, это прекрасно, – графиня не смогла бы объяснить, откуда у неё достало силы духа не только ответить, но и придать голосу лёгкую, беспечную восторженность, – а теперь,

ты Расскажи мне о себе?

– Ну, со мной, конечно же, ничего интересного не произошло, все игрушки живут в нашей стране, только, знаешь, я совсем не хочу быть игрушкой.

– Почему?

– Не знаю, но я хочу быть человеком, быть такой, как ты.

– Быть человеком, во всём человеком, в полном смысле этого слова никогда не бывает так просто. – Фредерик, как всегда появился из ниоткуда. – Но нам пора, сударыня, позвольте похитить у вас вашу подругу.

– Прощай, – грустно прошептала Оливия, обнимая графиню, – и, пожалуйста, вспоминай обо мне чаще, ну или хоть иногда.

– Не прощай, а до свидания, думаю, мы ещё встретимся, – со скучающим видом заметил волшебник.

– До свидания, я вернусь...

## Глава 9 . Бал-маскарад.

– Вы собираетесь идти на бал-маскарад без маски?

– А разве это маскарад?

– Конечно, но сейчас мы всё поправим.

Не прошло и десяти секунд, а невесть откуда взявшиеся часы пробили двенадцать раз. Фредерик схватил её за руку и чуть приобнял талию. Милидия не понимая ничего инстинктивно, опустила свободную руку на плечо юноши. Теперь на нём была золотая полумаска, едва покрывающая половину лица.

– Танцуйте, сударыня, и не вздумайте оглядываться, ведь на нас все смотрят.

У девушки было чувство, будто она упала в море с высокой скалы, но не разбилась, нет. Всплыв, она полностью отдалась стихии, и та сама несла ей. Да, Фредерик прекрасно вёл и несколько счастливых мгновений, она просто наслаждалась танцем.

Но потом, чуть позже, графиня, любопытная, как все женщины, всё же решила узнать, кто все эти люди в толпе, которых они так феерично появились.

Дама, строгого вида, вся в золотом, будто невеста навела на них лорнет, она казалось, чем-то раздражена. Рядом с ней стояла красивая молодая девушка, но она так холодна и так задумчива, что всем ясно: её мысли далеко отсюда. Рыжие

волосы выдавали Юнону, ну а вместе с ней и Артура, они тоже танцевали совсем близко. Когда глаза девушек встретились, госпожа Риверс, которая, не смотря на маску, тоже узнала Милидию, ободряющее улыбнулась ей. Ещё несколько скучающих масок рассматривали их пару, но скорее от безделья.

– Смотрите на меня и не отводите глаз, иначе, точно ничего не узнаете.

– Куда мы попали?

– Новогодний бал, здесь сегодня собрались все, ну или почти все волшебники, забавно, не правда ли? Теперь Лиди, мы познакомимся с наиболее яркими личностями, только смотрите всё время на меня и делайте вид, будто мы мило щебечем о какой-то ерунде. И Артур, и Юнона, хотя они не самые такие яркие личности, однако оба уже занимают высокие посты в Совете, Вам уже знакомы. Дама с лорнетом, вы ее, конечно же, заметили, Милюзетта Фейрфакс довольно могущественна, и из старинного рода, чем очень горда. И как все наиболее сильные волшебники опекает племянницу, Иванджелину Орнальдегольд, или Иву в сокращении. Та светловолосая девушка рядом с ней. Не судите по её внешней задумчивости, она учится на врача в нескольких университетах. Её действительно мало интересует происходящие здесь, но она настоящий мастер своего дела, лучший специалист из всех волшебников в области медицины, у неё волевой и сильный характер, но в неё нет ни капли женственности. –

Милидия ещё раз скосила глаза в сторону Иванджелины, совсем не похоже что бы такая красивая девушка была наделена всеми выше названными качествами. – Итак, продолжим, конечно, кроме сплетников и пустословов, мы никого более не интересуем, но заметьте, вон тот пожилой господин и его свита, то и дело озаряют нас своими взглядами. Это самые мудрые и сильные волшебники, главы Совета. Так же на нас съедают и несколько пар глаз моложе, например та неприятная маска с длинным носом, это Патрик Солано, и ещё тот в васильково-синем костюме – Эмиль Сьюди.

– Такой васильково-синий пошёл бы вам...

– А он и шёл мне, но, увы, этот молодой господин имеет неприятную привычку подражать мне, следующем на танец вас пригласит он. А потом Патрик Солано, из желания досадить мне.

– А почему нами заинтересовалась госпожа Фейрфакс?

Фредерик неожиданно засмеялся, девушка непонимающе рассматривала его.

– Неужели Вы никогда не слышали моего полного имени? Ну, так позвольте представиться, Фредерик Фейрфакс. Милюзетта, – сестра моего отца и когда-то моя регентша, а Ива – двоюродная сестра. Вам теперь всё понятно, крошка Мили?

Милидия смутилась, но улыбнулась. Всё-таки ей так нравилось разговаривать с Фредериком, конечно, когда его остроумие не переходит в нападки на неё. Но всё конечно в этом

мире, и вальс закончился. После танца Фредерик представил Милидю Милюзетте и её племяннице. Первая очень не понравилась графине, о чём, правда та, как воспитанная девушка не подала вида. Волшебница, кажется, испытала к ней ещё менее лестные чувства. Однако Иванджелина и Милидия прониклись взаимной симпатией. Юная Орнальдегольд была очень красива, особенно выделялись глаза, голубые, холодные, очень серьёзные и волосы длинные, прямые. Следующий танец Фредерик отдал ей. Несколько незнакомых людей пытались пригласить графиню, но та отказала, так как не имела привычки танцевать с теми, кто ей не представлен. Среди них были и те двое, которых назвал Фредерик, но они были ей неприятны: один слишком угрюм, другой приторно слащав.

Она подошла к зеркалу. Да, она ожидала увидеть любой ужас на лице, не это. Зная Фредерика, можно было предположить любой подвох с маской. Но это... Серебристо-белая маска была почти открытой, но её дополняла прекраснейшая вуаль, которая необыкновенно хорошо гармонировала и с лицом, и платьем, и причёской девушки, правда делала её похожей на невесту. Что и говорить, у молодого волшебника был изысканный, утончённый вкус.

## Глава 10. Я согласен отдать Вам руку и сердце...

В тот вечер Милидия танцевала его всего лишь раз. Её пригласил Артур, очевидно по просьбе Юноны, которую беспокоило, что её ученица была брошена своим легкомысленным кавалером и скучает. Фредерик же приглашал девушек, одну за другой, что, разумеется, злило всех, кроме самих барышень.

Артур танцевал с Милидией кадрили. Он вёл очень хорошо, но в движениях его не было той лёгкости, которая была у Фредерика. К несчастью, где-то к середине мелодии, Милидия стала вдруг задыхаться. Увидев это, господин Риверс вывел её из круга, аккуратно придерживая за руку, усадил в кресло и принёс ей воды. У молодой графини кружилась голова.

Когда танец кончился, к ним тут же подошла Юнона:

– Милидия, ты так побледнела, – выговорила госпожа Риверс, – должно быть, ты ещё недостаточно окрепла после болезни. Артур, нам втроём стоит вернуться домой сейчас, раз Милидии нездоровится.

– Не стоит, Юнона, я в порядке, просто немного устала, – слабым голосом выговорила девушка.

– Да, Юнона, конечно, нам стоит вернуться, – согласился с госпожою Риверс её муж.

– Но я могу просто посидеть здесь, а вы могли бы ещё побыть на балу, – попыталась возразить Милидия, беспокоясь, из-за того, что её друзья вынуждены вернуться домой так рано из-за неё.

– Мы возвращаемся, – повторил Артур, показывая, что решение уже принято однозначно.

Фредерик заметил, лишь, как они ушли. В какой-то момент, он попытался догнать своих друзей, но не успел. Это оставило в его сердце какую-то непонятную досаду, причём досаду на себя и своё скверное поведение. Он жалел, что не простился с Милидией, хотя это и не входило в его изначальный план.

Но всё равно это ночь запомнилась Милидии надолго, за те минуты одного вальса можно было претерпеть многое. Как это ни странно, но теперь Фредерик каждый вечер честно появлялся в доме Артура, и с его приходом всё становилось живо и весело. Его язвительный, насмешливый язык с большим искусством выражал игривые, причудливые мысли буйного, свободолюбивого ума. Бесспорно, с ним было приятно общаться, к тому же он столько всего знал...

И вот, в один из таких вечеров, юноша сидел в по-хозяйски непринуждённой позе и забавлялся тем, что рассматривал вышивку на гардинах и слушал, как: «Милидия и Юнона поочерёдно пытаются расстроить фортепьяно, соревнуясь, кто из них первая своими нежными пальчиками испортит чудный инструмент» по его же словам.

В комнату вошёл Артур, и внимание Юноны тут же переключилось на него, девушка засуетилась возле мужа тёплым домашним котёнком.

Милидия тоже тихо заговорила с Фредериком:

– Мне так понравились ноты, что вы принесли, я обязательно их выучу.

– Тебе, вам, правда нравится? – Он осёкся. – Но исполнили вы их прескверно. – Тут произошло то, что не ожидал, пожалуй, никто из находившихся в комнате. Юноша заговорил громко, пылко, и то с раздражением, злостью, то с нежностью. – И вообще, сударыня, вы, на мой взгляд, несколько ограничены в своём понимании жизни, едва ли к чему-то приспособлены, слабы, как котёнок. Красавицей вас так же не назовёшь, – все были, по меньшей мере, ошарашены этим заявлением. Артур хотел было заставить замолчать волшебника, но Милидия будто сказала взглядом: «Пусть продолжает». – Характер у вас тоже не ангельский, вы свободолюбивы, строптивы, капризны, избалованы, непомерно горды, излишне серьёзны. К тому же абсолютно не обладаете чувством юмора. Но в вас зашевелилось что-то необычное, вы тайна, которая не доступна даже мне. И принимая во внимание, что в придачу ко всем своим недостаткам вы производите впечатление порядочной девушки, я согласен отдать вам руку и сердце, – он опустился перед ней на колени и достал маленькую красную коробочку.

Милидия, внимательно слушавшая всё это странное объ-

яснение в любви, остановила его руку и не позволила открыть заветную коробочку. Вкрадчиво, с достоинством она ответила:

– Мне жаль, но я не люблю Вас, простите и прощайте.  
И ушла, гордо задрав свой аристократичный нос.

## **Глава 11. Мантилья из сумрачных кружев.**

– Что ты натворил?! – Прошипела Юнона, пулей вылетев из комнаты вслед за Милидией.

Артур даже не находил нужным что-либо говорить, он подошёл к юноше и отвесил ему пощёчину. К лицу Фредерика прихлынула кровь. Прошло ещё несколько мгновение, и гробовую тишину голос господина Риверс:

– Идиот, ты же можешь потерять её навсегда... – но тут Артур почуял резкий запах коньяка, исходящий от Фредерика. – Ещё и пьян!

Однако это открытие несколько охладило гнев господина Риверс.

– Чёрт! – С досадой выговорил он, и в знак милосердия всё-таки усадил Фредерика в кресло и даже подал ему стакан воды.

Фредерик точно не слышал его. Да, это был день, когда он выбирал Милидии кольцо, когда думал о том, что впервые признается кому-то в своих настоящих чувствах. Он боялся её, боялся того, что она вела себя не так как другие девушки с ним. Боялся и никак не мог понять, что же у неё на сердце...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.